40 И тот же Терпандр уже не довольствуется прежнюю четырехструнную кифарою, но изобретает новую, семиструнную:

Мало нам струн четырех; разлюбили мы лад стародавний:
Ты седмизвучной кифары прими новозданные гимны!

Тень Орфея склонялась над колыбелью лесбийской мелики, и она, — какую мы знаем ее из пощаженных временем остатков десяти, по крайней мере, книг Алкея и девяти Сафо, — не только вся проникнута религиозным чувством, но частью и прямо приурочена к потребностям культа — в виде гимнов, слагаемых теми же светскими певцами, в их обычной манере, для праздничных богослужений. Лирическое признание естественно выливается у них в обращение к богам, и для любовных жалоб Сафо не находит лучшей наперсницы, чем сама Афродита. Поэтическая школа, руководимая поэтессою, существует в городе на правах религиозной общины.

III

Другим корнем личной лирики, и притом самым глубоким и жизненным, должно признать народную песню: художественный мелос — естественное развитие этой последней. Сфера религиозная, с ее гимническим тоном и праздничным великолепием, с ее широтой мирообъемлющего кругозора и неисчерпаемым богатством всеми радугами просвеченного мифа, только преображает самородное произрастание племенной души, творя из скромных цветов шиповника благоухающую розу: она углубляет первоначальное задание простодушной песни, совершенствует, усложняет и облагораживает ее формы, и впервые делает ее искусством в эллинском — классическом — смысле этого слова.

Немногие образцы древней безыскусственной песни, случайно до нас дошедшие, принадлежат к роду песни обрядовой; но с вероятностью можно предположить существование и других родов, другого запева, где свободнее могли изливаться раздумье, печаль и радость единичной, особенно женской души. Как раз из эпохи Алкея и Сафо сохранился отрывок лесбийской песенки, которую пели женщины, меля зерно ручными жерновами, — типический пример музыкального сопровождения работы (по нашему мнению, первоначально заговорного), — при чем мы можем наблюдать, как такая песня живет и принимает в свой состав отголоски новых событий:

Мели, мельница, мели!
Митиленской царь земли,
За двоих Питтак молот,
А помолу взял — престол.

Эолийское племя отличалось от других эллинских задушевностью и музыкальностью, рыцарским духом, нашедшим себе выражение в догомеровских песнях-былинах, и тою смесью меланхолической задумчивости и порывистой страстности, какая еще так чувствительна в гомеровском, ионийском начертании Ахиллова характера. Говор прямодушного племени, певучий и ритмически-гибкий, легко передающий оттенки ласки, улыбочивость нежности и вообще колорит душевных чувствований, был предрасположен к звонко-распевному складу.

Влияние народной песни особенно заметно в лиризме и стиле Сафо. Так, ее

эпифаламы — лишь искусственно усовершенствованные свадебные славы, коих старинные запевы и обрядовые обороты оне удержали, — как и повсюду, у эолийских меликов, то и дело слышатся отголоски или заплачки, или заговора, или загадки и присказки, — и то здесь, то там вдруг промерцает отдаленным маревом символический песенный образ.

IV

90 Алкей и Сафо, оба признаваемые за величайших мастеров мелической поэзии, в представлении древних неразделимы. Совместно изображались они, уже в раннюю эпоху, и на аттических вазах. Современники и сограждане, притом члены одной политической партии, аристократы оба, не чужими друг другу людьми были они и в частной жизни. Алкей воспевает Сафо тоном влюбленного. Сафо, по преданию, подтверждаемому Аристотелем, отклонила его ухаживанье; в стихах о нечистом помысле, не позволяющем человеку выражаться прямо, усматривали древние суровую отповедь, обращенную к Алкею. Но и по духу и тону своей поэзии оба лирика, при совершенной самобытности каждого, взаимно восполняют один другого, как мужественное начало восполняется женственным.

100 Это эстетическое соотношение ощутительно сказывается в родственности и противоположности изобретенной (или только излюбленной) каждым, в одном и том же роде логэдических метров, основной строфы. Насколько Алкеева строфа (срв., напр., стихотворение «Буря») мужественно энергична и свободно выразительна в пластическом строе своего музыкального движения, воинственно ускоряющегося (в третьей строке) и потом как бы застывающего в жесте горделивого и уверенного спокойствия, — настолько «сафическая» строфа (срв. «Гимн к Афродите», «Любовь») нежна и умильно-напевна, ритмически движется, как бы окутанная складками длинных одежд, с какою-то грациозною сдержанностью, и замыкается сладким лирным вздохом — припевом женских плачей над умершим Адóнисом («никнет Адóнис! — нежный Адóнис!»).

110 При общем, как бы природном и братском сходстве, оба поэта и ярко различествуют, как лирические характеры. Гораций, гордый тем, что первый «на голос эолийский свел песнь Италии», находит для изображения Алкея такие слова в своем гимне к Лире (Оды, I, 32):

На твоих струнах — гражданин лесбийский —
Встарь Алкей бряцал, и с тобой от битвы,
Пылкий, отдыхал, и с тобой от бури,
В пристани тихой,

120

Привязав корабль, что кидали волны;
Ты его словам отвечала, Лира,
Он же Вакха пел, и любовь, и Лика
Черные очи.

А о Сафо тот же Гораций вспоминает так (Оды, IV, 9):

... Дышит доселе страсть,
И не угас огонь, зажженный
В струнах живых эолийской девой.

В Элисии, мнится ему, он встретит по смерти обоих великих своих

предшественников (Оды, II, 13):

130

Едва я долов темной Прозёрпины
И судии не узрел заgrabного,
И мест, святым в обитель данных,
Где на струнах эолийских Сафо

Стремит к подругам нежные жалобы,
Но полнозвучней плектром златым, Алкей,
Ты на мужской гремишь кифаре,
Бури певец и невзгоды бранной!

140

Обстал обоих, с благоговением,
Священным лирам внемля, собор теней;
Но жадным ухом пьет теснее
Сомкнутый сонм — песнь меча и воли.

Эти строки имеет в виду Овидий, когда в измышленном им послании Сафо к легендарному Фаону, влагает в уста поэтессы следующее сопоставление:

Мне ж касталийские сестры изящные песни внушают,
Весь понимающий мир славою полон моей.
Даже Алкей не славнее меня, мой земляк и сподвижник,
Хоть и грознее напев лиры мятежной его.¹

150

Алкей, по приговору древних судей поэзии, сочетает с величием, краткостью и убедительною силою выражения сладкозвучие и ясное изящество поэтической формы.² Один из самых музыкальных поэтов, он превосходит других мужественною смелостью лирического тона, переходящею порой в чрезмерную резкость и полемический задор.³ Буйственный пыл его «песен Восстания» и прославление вина в пиршественных песнях подали повод к легенде, что он, — как и Эсхил, вдохновенный священным безумием, — слагал свои стихи в состоянии опьянения. Сафо, по суждению древних, сладостна; с чарующею грацией поет она о красоте и любви, весне и гальционах; нет такого пленительного и нежного слова, какое не было бы воткано в ее поэзию.⁴ Для поэтов антологических она — «десятая муза». Солон сказал, что не хотел бы умереть, не услышав новых ее песен, дотоле ему неизвестных. Она несравненна, по мнению античных ценителей, ни с кем из поэтов по разлитой в ее стихах умильной прелести, «Харите», — как несравненна и по глубине страстности, когда говорит о любви. Тогда, — замечает Плутарх⁵), — «ее песнь звучит, как бы смешанная с огнем, и дышит всем жаром пламенеющего сердца».

160

V

Эти суждения, с тою тонкою и отчетливою определительностью, какая

¹ Овидий, «Баллады-Послания», перев. Ф. Ф. Зелинского, стр. 196 («Памятники мировой литературы»).
Остальные поэтические выдержки приведены в нашем переводе.

² Dionys. Hal., vet. scr. cens. 2, 8. Срв. Quintil. X, I, 63.

³ Athen. XIV, p. 627 A.

⁴ Demetr. Phal., de eloc. 167.

⁵ Plut. erot. 762 f.

- отличает античную критику и является плодом долгой и преемственной разработки единого художественного канона, отмечают особенности лирического дарования Алкея и Сафо. Едва ли что необходимо прибавить к этим суждениям; сама поэтическая передача песен обоих поэтов, если она в некоторой мере созвучна подлинникам, договорит читателю остальное. Алкея она должна показать художником слова, соединяющим пламенность темперамента с тою быстротою, прямою и ясностью поэтического узрения и выражения, высокий образец которой мы имеем в творениях Пушкина, поэта как бы античного по прозрачности воздуха, в каком купаются изображаемые им предметы, по его любви ко всему вещественному и осязательному, по беспристрастной точности его чисто реалистического взгляда, только обостряемого, а не затуманиваемого лиризмом настроения, по изящной свободе своенравного выбора тех вещей из круга наблюдения, привлечение коих в состав песни впервые сообщает лирическому мгновению жизненное и, следовательно, истинно поэтическое и поэтически-действенное полнозвучие.
- 170
- 180 Сафо не иными, чем Алкей, глазами смотрит на мир; и она — представительница классического реализма в поэзии; но психологическое преобладает у нее над внешним, вследствие душевной ее утонченности и сложности. Во внешнем же душа ее, сильная и ласковая, не устает открывать прекрасное и пленительное; и эта красота — не обольщение, а всегда открытие ее зоркой влюбленности. Поистине, всегда влюблена она — в солнце и в юность, в цветы и в звезды, но больше всего — в божественный лик человека. Быть может, кое-где примешивается к ее лирике элемент условности, общепринятый украшающий эпитет и лишь нарядно красивый или галантный оборот: как руководительница поэтической школы, она не могла не развивать определенной художественной манеры. Но эта слишком осторожная оговорка оправдывается, при вникании в сохранившиеся отрывки, только в ничтожной мере. Почти везде, напротив, приковывает внимание и завладевает нашим участием гениальная неожиданность подхода к изображаемому явлению, необычайная по остроте и цельности сила чувства и мысли. Столь женственное в наружных его формах творчество Сафо, по напечатлевшемуся на нем уму и характеру творческой личности, по энергии и глубине захвата, скорее — «мужественно» («*mascula Sappho*») называет поэтессу Гораций), — как мы привыкли выражаться, забывая, что именно глубина и целостность отношения к переживаемому свойственны естественно и мощно развившейся женской природе.
- 190
- 200 Сангвиническая страстность легко возбудимого Алкея не может мериться, по внутреннему напряжению и сосредоточенному жару, с тою страстностью, которая делает эротическую лирику Сафо исключительною во всемирной поэзии, поскольку речь идет об изображении любовного томления и алкания; разве в «Песни Песней» можно найти такие же вздохи желаний, да в «Новой жизни» Данта такие же головокружения и обмороки влюбленности. Но — что особенно примечательно — личность Сафо, подверженная всем пароксизмам страсти, есть личность не только внутренне уравновешенная и гармоническая, благодаря необычайно стройному ритму ее духовного существа, но и во внешнем бытии глубоко последовательная, независимая, верная себе и всецело проникающему ее и ей прирожденному закону правдивости, великодушия, благочестия, простоты и свободы.
- 210

VI

Эта противоположность лирических характеров сказывается и в жизни обоих поэтов. Алкей не вносит в свою подвижную и преданную страстям жизнь никакого

руководящего начала. Он аристократ и заговорщик против выставленных демократией тиранов (Меланхрой, Мирсил), потому что такова среда, где он родился, таков общественный круг, которому он принадлежит. Этот свой воинствующий аристократизм он не ищет оправдать и сословною идеологией, подобно Феогниду, обостряющему ее до любопытных мыслей о расовом подборе в духе нашего старшего современника — Ницше.

220 Однако, Алкей несомненно патриот и храбро сражается за дело родного острова с афинянами, хотя, по роковой случайности, и теряет в битве щит, что, впрочем, с легкой руки Архилоха, лирические поэты (вспомним бегство Горация) уже не считают зазорным воспевать в одах. Все же Алкеев щит достался в добычу не каким-то диким фракийцам, как щит Архилохов, а был подобран афинянами и выставлен с другими трофеями в сигейском храме Афины. Алкей, по свидетельству Геродота, сообщил о своей беде из лагеря в Митилену другу Меланиппу в лирическом послании, искаженная цитата из которого у Страбона дает, в гадательном восстановлении, такую приблизительно строфу:

230 Моим поведай: сам уцелел Алкей,
Доспехи ж взяты. Врог аттический,
Кичась, повесил мой заветный
Щит в терему совоокой Девы.

В новооткрытых текстах оксиринхских папирусов находим другое послание Алкея к тому же Меланиппу и неожиданно узнаем в последнем мистика, — быть может, посвященного миста, — верующего в возврат умерших на землю в новых телах, проповедующего «пакирождение» (палингенесию) душ: многозначительное свидетельство широкого распространения офических идей уже в столь раннюю эпоху. Поэт, сам не чуждый некоторых новых представлений религиозной мысли (напр<имер>, о Кроносе как владыке над обителями блаженных) усматривает в эсотеризме своего собеседника нечто запретное, несогласное с духом староотеческого благочестия. Любопытно, во всяком случае, видеть его вовлеченным, — очевидно, в мирное время и на досуге, — в прения о мирах иных, вообще столь мало родственные кругу интересов этого беспечного певца и бражника, политикана и вояки. Впрочем, за кубком вина Алкей склонен погружаться в глубокое и невеселое раздумье, и тогда с уст его слетает порой мудрое и важное слово.

240 В воинственном молодечестве и любви к приключениям не было недостатка у людей этого типа и общества; и если брат Алкея, Антименид, отличился чрезвычайными подвигами на службе у вавилонян при Навуходносоре, то и сам Алкей проводит годы политического изгнания в чужих краях, — в Египте, где фараон Псамметих навербовал себе эллинскую вольницу, и во Фракии, — в роли сотника наемных войск.

250 До какой степени простая справедливость была ему чужда, видно из его слепой и по-Архилоховски отравленной брани на Питтака, героя-мудреца, который, умирив, в качестве эсимнета, гражданские междоусобия и устроив родину, сложил врученную ему народом диктатуру и тираном не стал, а по отношению к самому Алкею проявил личное великодушие, открыв изгнаннику возможность возврата на родину знаменитым решением по его делу: «Прощение сильнее мести». Потомство выбило на одной монете портреты Питтака и Алкея: так мирит славных смерть! Последние годы жизни Алкеевой протекли, по-видимому, на родине, в мирных негах.

260

VII

Только исследования прошлого века (между коими особенно надлежит помянуть работы Велькера) и новейшие открытия поэтических текстов Сафо представили наконец ее жизнь и личность в правильном освещении, после того как, за более чем двадцать столетий, память ее застилалась романтической легендой и омрачалась нелепою сплетнею, плодом досужего творчества преимущественно поздней аттической комедии.

270 Ныне мы знаем, что Сафо, — по-эолийски Псапфа, — дочь Скамандронима — носителя аристократического имени — и Клейды, родившаяся, вероятно, в Эресе на Лесбосе и лишь впоследствии поселившаяся в столице острова — Митилене, супруга некоего богача и нежная мать золотокудрой девочки, Клейды, будучи одною из матрон города, пользовалась не только литературною известностью, но и общественным почетом и влиянием. Что голос ее многое значил во мнении граждан, можно заключать из истории с ее братом, Хараксом, чье поведение ее компрометирует и чью пошатнувшуюся репутацию она, как кажется, благополучно восстанавливает. Ода к брату написана по случаю возвращения Харакса из Египта, где он запутался было в сетях одной гетэры. Другой брат поэтессы, Ларих, занимал почетное место в митиленском Пританее.

280 То же явствует и из политического бегства Сафо в Сицилию (по-видимому, около 592 г.), обусловленного торжеством демократической партии; и о том же свидетельствует ее начальствование над женским мусическим фиасом — «домом Муз» — при святилище Афродиты. Независимость женщин на Лесбосе и самое существование этого уважаемого учреждения были, по-видимому, наследием древнейших гинекократических форм местного общественного уклада, постепенно смываемых переменами в быте и ростом демократии.

VIII

290 Как настоятельница девичьей религиозной общины и вместе глава художественной школы, Сафо должна была одновременно развивать воспитательную и академическую деятельность. В ее институт-«монастырь» для благородных девиц присылались богатые девушки из разных мест колониальной и островной Греции. Приобретая в этом высшем учебном заведении утонченное образование, усовершенствовавшись в музыке и поэзии, оне возвращались в семьи или выходили замуж. Время прохождения курса искусств делилось между отправлением культа общины, музыкальными и поэтическими занятиями, домашними забавами и увеселениями, часто принимавшими вид интимных пиршеств, и появлениями в светском обществе, особенно на религиозных празднествах и свадебных торжествах, где фиас выступал исполнителем слагаемых им на случай религиозных гимнов и обрядовых песен. Усвоение изящных манер было одною из задач школы, — недаром на Лесбосе устраивались, при храме Геры, состязания женщин в красоте, — обычаем же ее — отчасти условный, а порою и глубоко подлинный эротизм, соединявший содружество крепкою связью
300 сентиментальной привязанности и, по-видимому, казавшийся плодотворным для разработки художественных форм того обособленного рода лирики, которому посвящала себя эта академия Муз и Афродиты.

По обращениям Сафо к ее молодым сожительницам можно видеть, как своеобразно сочетала она в обиходе общины задушевную простоту и откровенность и интимность старшей подруги с требовательностью и строгостью высокой наставницы. Она равно умеет нежно ласкать и лелеять своих воспитанниц,

окружить их жизнь уладами и проникнуть ее поэзией, как и одобрить похвалой успевающую и даровитую ученицу или горько упрекнуть нерадивую и косную, — как и могучим призывом уже скорее гениального мастера, нежели мудрого педагога, оживить в молодых любовь к искусству, властно потребовать от них крыльев восторга и настоящего духовного подъема. В основу же всего воспитания заложена прочная и повсюду чувствуемая, хотя и не выражаемая в определенных правилах, система чистых и благоговейных понятий о божестве, ощущаемом внутренне и живо, и столь же чистых понятий о добре, как лучшем виде красоты, о правде, как всеобщем и коренном начале божественного и человеческого жизнестроительства, о святости отеческих установлений, о сердечном целомудрии, о чести и благородстве души. Одним словом, перед нами пример чисто эллинского понимания воспитательной задачи, как задачи религиозно-нравственной, художественной и эротической вместе: ибо немыслимо для эллина искусство без богов и правды, как невозможно оно и без влюбленности художника в возникающую под его перстами гармоническую форму.

Жизнь Сафо представляется стройной и строгой; на всем отпечатлен ее непорочный, цельный дух. Она осуществляла труднейшее: никогда страсть не оказывалась сильнее ее воли, никогда гений не преобладал над нравственным характером.

IX

Еще далек был культурный расцвет собственной Греции, еще и гроза персидских войн не надвигалась, — а на музыкальном Лесбосе уже распустилась во всей своей красоте и неге эллинская роза. Недолго длился этот золотой век мелической лиры: вскоре услышат потом родной Теос, Самос и еще архаические Афины легкие, благоуханные, но уже условно изысканные песни Анакреонта, — и, наконец, мелика этого рода отойдет невозвратно в минувшее, хотя и вспыхнет еще последним отраженным отблеском в тепличной поэзии александрийского века. Да и слишком быстро текла, слишком стремительно разворачивалась эллинская жизнь, чтобы могли быть длительными последовательные периоды ее столь полного, столь пышного цветения по отдельным областям эллинского мира, по отдельным сферам эллинского творчества.

В самом круге изучаемой поэзии мы видим зараз данными все противоположности ускоренного исторического роста: еще свежи старые преемственные формы, а между ними, как новые сильные ростки, пробиваются начатки иных форм. Общественный уклад сменяется на наших глазах другим порядком; простота быта спорит с волной изнеженной роскоши, не устающей бить об островные скалы с малоазийского побережья; верность родным местам борется с центробежным стремлением в чужие, богатые края. Ученицы Сафо одновременно должны помнить народные песни и искусно волочить складки драгоценной восточной толы, сочетать самородную напевность эолийского склада с искусственным изяществом стилистических фигур и ритмических канонов. Одно еще остается неизблемым и нетронутым в этой пестроте и тесноте переходной эпохи: вера в богов и живая приверженность отеческому богочитанию. У Анакреонта эта религиозность уже заметно остывает, Дионис будет понят уже и поверхностнее, Эрос станет подозрительно шаловлив.

С грустным чувством проходит историк мимо этих мгновений сложного, но глубоко-стройного исторического полнозвучия. Он, и вглядываясь в прошлое, соблазняется, забывшись, воскликнуть мгновению: «Остановись, прекрасно ты! постой!» Но вещие сестры, неугомонные, все прядут да прядут, обрезая

адамантовыми ножницами остаточную пряжу. И неумолимая губка Судьбы, по слову Эсхиловой Кассандры, стирает человеческие письмена. Будем же благодарны Судьбе за то, что она пощадила хотя небольшое из тех доверчиво вверенных мгновению, но ставших бессмертными знаков, которые провел на давно истлевших табличках грифель Алкея, грифель Сафо.

360 Будем ей особенно благодарны за нечаянный подарок папирусов из египетского Оксириха: они обогатили нашу скудную сокровищницу драгоценных остатков лесбийской мелики. Достаточно сказать, что из творений Алкея мы имеем ныне другую «Бурю» (быть может, продолжение первой), два гимна («К Диоскурам» и «Фетида»), три новых ругательных стихотворения на Питтака, несколько характерных фрагментов и упомянутое послание к Меланиппу о судьбе душ; что же до Сафо, нам предлежат, в значительных по объему частях, уже не две только, как прежде, ее оды («К Афродите» и «Любовь»), но семь или даже восемь, кроме новых прекрасных отрывков из песен к подругам и эпифаламы, в форме небольшого послания (эпиллия), — «Свадьба Гектора и Андромахи», — которую 370 Вилаговиц без очевидных оснований считает произведением не самой поэтессы, но лесбийской школы.

Кругозоры Лесбоса как бы приблизились к нашему зрению; Алкей воскресает перед нами со всею изменчивостью его живого лица, — хоть и не так воскресает, как обещал ему Меланипп; тень же великой зачинательницы гимна любви в европейской поэзии может быть утешена тем, что в отдаленных веках, наконец, ее не оскорбляют более бесчестными выдумками и что свято исполняется доныне надежда, так скромно высказанная ею некогда одной поэтической подруге:

Вспомнит со временем кто-нибудь, верь, и нас.

Вячеслав Иванов

Подготовка текста К. Ю. Лапто-Данилевского